

БЫЛОЕ

№ 15

1919

Директор

М 2013-580/28

Г. В. Плехановъ и III Отдѣленіе.

I

Г. В. Плехановъ, предъ памятью котораго склоняются и его политическіе, и партійные враги, на революціонномъ поприщѣ выступилъ рано, въ очень молодыхъ годахъ. Плехановъ былъ замѣченъ сразу, какъ выдвигающійся революціонеръ, какъ талантливый ораторъ. И за время пребыванія его въ Россіи, въ молодыхъ годахъ, ему приходилось выполнять ответственныя порученія.

Былъ онъ замѣченъ и III Отдѣленіемъ, но не сразу, а въ известной постепенности. Розыскъ въ 70-хъ годахъ былъ поставленъ далеко не блестяще. III Отдѣленіе не могло похвалиться находчивыми, предусмотрительными агентами. Недаромъ руководитель сыска въ 1879 г. разочарованно воскликнулъ: «Опять случай... Никакой системы нѣтъ». Въ отношеніи Плеханова такого «случая» не было.

Составить біографію Плеханова, въ полицейскомъ смыслѣ этого слова, совершенно нельзя. Онъ былъ для полиціи неуловимъ. Вотъ одна изъ справокъ о Плехановѣ III Отдѣленія, данная въ 1880 г., къ 18 апрѣля, когда представлялся на высочайшее имя докладъ о показаніяхъ Гр. Гольденберга:

«Плехановъ, Георгій Валентиновичъ, дворянинъ тамбовской губ., липецкаго уѣзда, бывшій юнкеръ Константиновскаго военного училища, а впоследствии студентъ горнаго института. Въ липецкомъ уѣздѣ имѣетъ мать, а братъ его, Григорій Валентиновичъ Плехановъ, служитъ перучикомъ 69 пѣх. Рязанскаго полка и находится въ г. Люблинѣ.

«Первую извѣстность Георгій Плехановъ въ революціонной дѣятельности пріобрѣлъ по демонстраціи на Казанской площади, но задержанъ не былъ и съ того времени розыскивается. Жена его была арестована съ прочими задержанными на площади лицами, но освобождена по недостаточности уликъ. Въ настоящее время имѣется свѣдѣніе о нахожденіи Плеханова въ Парижѣ».

И только... И это, надо сказать, самая богатая справка о Плехановѣ. Но факты ея не даютъ ничего для характера дѣятельности Плеханова. Факты ея основаны даже не на слѣдственномъ матеріалѣ, а лишь на показаніяхъ, провѣрить которыя въ то время для полиціи было невозможно. Она чувствовала Плеханова вездѣ и всюду, но уловить его не могла. Въ этомъ отношеніи мы найдемъ любопытныя иллюстраціи въ дѣлахъ. Плехановъ чудился вездѣ, и на одномъ изъ докладовъ о его участіи руководитель III Отдѣленія даже не вытерпѣлъ и написалъ: «Тутъ много сочиненнаго... Такимъ образомъ можно писать, что хочешь».

Полицейская биографическая сводка о Плехановѣ окончательно была составлена въ 1914 г. ¹⁾ Сводка очень подробная, но фактически не вездѣ точная.

Разгадку неполноты свѣдѣній начальной дѣятельности Плеханова дасть просмотрѣть самыхъ лучшихъ. Дѣло студента Шамарина, дѣло о Казанской демонстраціи не затрагиваютъ совершенно имени Плеханова. Въ этомъ отношеніи Казанская демонстрація очень характерна. Главное лицо этого «перваго» смотра русской революціи, гдѣ почти впервые гласно было заявлено о желаніяхъ и ожиданіяхъ русскаго народа, о его страданіяхъ, — главное лицо осталось неизвѣстнымъ для слѣдствія. Плехановъ исчезъ. Въ слѣдствіи осталось одно: «какой-то молодой чело-вѣкъ, блондинъ, говорилъ рѣчь» (показанія старосты Каз. соб. Ребутовскаго). Официальный «обвинительный актъ» передаетъ этотъ моментъ такъ: «изъ толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступилъ высокій блондинъ, снялъ шапку и началъ громко говорить, размахивая руками» (Обвин. актъ, стр. 1).

Фамилія Плеханова въ дѣлѣ упоминается, но въ связи съ арестомъ его жены, поднятой на улицѣ въ безсознательномъ состояніи. Въ день демонстраціи, 6 декабря, — ее взяли и держали, несмотря на ея положеніе, въ домѣ предварительнаго заключенія до 16 декабря, когда признано было нужнымъ освободить «жену студента Наталію Плеханову, въ виду отсутствія указаній, на примѣты ея въ показаніяхъ спрошенныхъ свидѣтелей (не предъявлена была лично по болѣзни), а также въ виду того, что Плеханова находится въ исходѣ 9-го мѣсяца беременности, почему представляется вѣроятнымъ предположеніе, что она была лишь зрительницей и не участвовала въ самомъ безпорядкѣ» (1876 г., д. 253, ч. 1).

Г. В. въ дѣлѣ не фигурируетъ, и долгое время III Отдѣленіе не подозрѣвало объ участіи Плеханова въ демонстраціи. Да и едва ли могло подозрѣвать. Организація демонстраціи была такова, что организаторы и главные ея дѣтели были мало кому извѣстны, за исключеніемъ близкаго имъ кружка. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ участниковъ демонстраціи, сосланный въ Сибирь, — Я. Е. Гуровичъ, — смутно себя представлялъ «высокаго блондина», произносившаго рѣчь. Въ 1882 г. Гуровичъ расказалъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ и пожелалъ принести пользу III Отдѣленію. И онъ составилъ проектъ организаціи полицейской развѣдки, охватывающей не только Россію, но и заграницу. Предлагалъ свои услуги для руководства этимъ дѣломъ и въ доказательство искренности своего обращенія разказалъ, что зналъ о революціонной дѣятельности въ Россіи.

Какъ участникъ Казанской демонстраціи, онъ и ей удѣляетъ довольно много мѣста, говоря о ея организаціи, программѣ, дѣтеляхъ. Объ ораторѣ на площади онъ говоритъ, что приглашавшій его, Гуровича, на демонстрацію «будущаго оратора называлъ кого-то въ родѣ Поливанова, Пливанова, Плеханова, Плюганова — въ этомъ родѣ» (дѣло о Каз. демонстр. 1876 г., № 253, ч. IV).

В 1882 г. такими свѣдѣніями — неопредѣленными, неясными, — удивить, конечно, полицію было трудно. Въ это время она уже знала Плеханова, какъ организатора демонстраціи, но если устанавливать дату, когда III Отдѣленіе получило эти свѣдѣнія, то придется отнести это обстоятельство къ 1879 г. До этого года Плехановъ оставался неизвѣстнымъ.

А этотъ періодъ былъ наиболее дѣятельнымъ въ жизни Плеханова въ Петербургѣ. Кромѣ Казанской демонстраціи Плехановъ игралъ роль и въ дѣлѣ пропаганды среди рабочихъ. Работа эта продолжалась за все время пребыванія Плеханова въ Петербургѣ.

Что онъ исчезъ въ 1876 и 1877 г., — пожалуй, удивляться этому не придется. Въ это время Плехановъ былъ за границей. Показанія Жаркова къ этимъ годамъ приурочиваетъ пребываніе Плеханова въ Саратовѣ:

«Жоржъ съ нимъ (Жарковымъ) хорошо знакомъ и собственно въ социаль-народники вовлекъ его еще въ 1877 г., когда онъ проживалъ въ Саратовѣ, гдѣ довольно часто посѣщалъ его домъ, въ качествѣ учителя, и, по неблагонадежности своей, взятъ былъ зимою 1878 г. полиціею, но подъ предлогомъ, что онъ даетъ урки, ему удалось освободиться, давъ подписку о неотлучкѣ, послѣ чего тотчасъ же скрылся изъ Саратова».

Этотъ фактъ совершенно не былъ замѣченъ въ свое время полиціею, хотя для Плеханова это было началомъ нелегальнаго его существованія.

Вся дѣятельность Плеханова среди рабочихъ Петербурга до 1879 г. прошла также для III Отдѣленія незамѣченной, а въ этой области Плехановымъ было сдѣлано очень много. Съ его именемъ связаны стачки рабочихъ въ Петербургѣ (Новая Бумагопрядильня, фабрика Шау), формулировка ихъ требованій и сообщенія объ этомъ обществу, руководство рабочими кружками, какъ объ этомъ сообщаютъ и агентурныя свѣдѣнія (см. ниже стр. 18 марта 1879 г.). Его «воспоминанія о русскомъ рабочемъ» въ этомъ отношеніи даютъ много матеріала для сужденія объ его роли. Не даромъ официальные документы характеризуютъ Плеханова «ловкимъ». Онъ, дѣйствительно, уцѣлъ мастерски отъ официальной регистраціи.

Объ этомъ полиція получила свѣдѣнія тогда, когда Плехановъ обратилъ вниманіе на себя и назывался уже «извѣстнымъ».

II.

Въ 1879 г. дѣятельность Плеханова въ рабочей средѣ была замѣчена. Имъ заинтересовались и начали наблюдать. Но и здѣсь свѣдѣнія полиціи были очень туманны и основаны на фактахъ агентуры. При элементарности постановки агентуры въ то время, эти свѣдѣнія исходили больше на сплетни, но не на фактической матеріалъ для слѣдствія. Эта была общая черта тогдашнихъ агентурныхъ донесеній. Убѣжденіе, что дѣятельность революціонера можно дискредитировать, указавъ на моральную сторону жизни, было сильно. Съ такимъ отгѣнкомъ мы и находимъ большинство агентурныхъ данныхъ.

13 февраля 1879 г., въ связи съ дѣломъ о подпольныхъ типографіяхъ и пропагандѣ въ рабочей средѣ дается такая справка:

«Агентурныя свѣдѣнія послѣдняго времени дали положительныя указанія на то, что въ столицѣ находятся и укрываются три лица, крупное значеніе которыхъ въ средѣ пропагандистовъ и небезызвѣстное участіе одного изъ этихъ лицъ въ дѣлѣ подпольной печати заставляеть съ вѣроятностью предполагать о безусловно близкомъ отношеніи ихъ къ подпольной типографіи. Въ началѣ этихъ свѣдѣній извѣстно было только то, что одно изъ этихъ лицъ именуется Георгомъ...

«Впослѣдствіи оказалось, что именующій себя Георгомъ есть никто иной, какъ бывший юнкеръ Константиновскаго военнаго училища, а впослѣдствіи студентъ горнаго института, Георгій Плехановъ, который устраивалъ демонстрацію на Казанской площади, читалъ на этой демонстраціи подъ знаменемъ «Земля и Воля» рѣчь и успѣлъ скрыться, оставивши на площади беременную свою жену, арестованную вмѣстѣ съ прочими участвовавшими въ этомъ дѣлѣ и опущенную по неизмѣнну противъ нея улику».

Отгѣнокъ, съ которымъ сообщенъ послѣдній фактъ, придаетъ особый специфическій тонъ всему сообщенію. Чувствуется не принципиальный противникъ, а желаніе убить нравственную личность. Подобнымъ отношеніемъ восполнялся недостатокъ фактическихъ данныхъ.

Послѣдующее убѣждаетъ въ этомъ: «Дѣятельность Плеханова (Георга), съ точностью хотя и не опредѣляется, но крупное значеніе... въ преступной средѣ исключаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что этому значенію должна соответствовать и дѣятельность».

Какимъ-то способомъ добрались, что Плехановъ—ораторъ Казанской демонстраціи, но дальше уже только умозаключеніе. Умозаключеніе высказано не съ вѣтру. Были попытки узнать, что же изъ себя представляетъ Плехановъ. Былъ примѣненъ обычный способъ—подслать провокатора, или, выражаясь официально, агента. Онъ и далъ матеріалъ для заключенія о важномъ значеніи Плеханова.

«Это (значеніе Плеханова) до нѣкоторой степени подтверждается тѣмъ, что Плехановъ, познакомившись съ нашимъ агентомъ, имѣющимъ слесарную мастерскую, уговорилъ его передать таковую въ распоряженіе лицъ, во главѣ которыхъ стоитъ Плехановъ, какъ главный бунтарь, съ цѣлью въ этой мастерской устраивать сходки и совѣщанія».

Осторожность и деликатность выраженій справки заслуживаетъ вниманія. «Главный бунтарь» самъ знакомится съ агентомъ, а не агентъ его ищетъ. Но и этотъ агентъ не спасъ положенія. Пришлось въ дальѣйшемъ сознаться, что «Плехановъ извѣстенъ» «болѣе по различнымъ сообщеніямъ», «давнѣхъ (?) возможность имѣть положительныя свѣдѣнія о примѣтахъ, о мѣстахъ, гдѣ бываетъ, и о лицахъ, отъ которыхъ не скрывался, прямыя же агентурныя дѣйствія, направленные къ тому, чтобы встрѣчать ихъ (Плеханова и Клеменца) и прослѣдить съ цѣлью обнаружить мѣста ихъ жительства были въ этомъ безуспѣшны».

Плеханова начали искать. Прежде всего установили его внѣшность и примѣты. «Высокій блондинъ» Казанской площади опредѣляется уже точнѣе: «Примѣты Плеханова,—лѣтъ 30, средняго роста, съ рыжей бородой, вродѣ большой эспаньолки, т. е. щеки выбриты, одѣвается довольно прилично, носить драповую сѣрую шапку» (13 февраля 1879).

Черезъ мѣсяць (18 марта 1879) эти примѣты расширяются по наблюденіямъ: «Что, касается его (Плеханова) примѣтъ, то въ этомъ отношеніи можно указать только на то, что онъ выше средняго роста, лѣтъ около 30, одѣвается различно, но имѣетъ двѣ отличительныя примѣты—рыжеватую бороду только на подбородкѣ отъ усовъ, щеки же или бриты, или коротко подстрижены, или не имѣютъ растительности, такъ какъ (?) въ указанномъ видѣ борода остается неизмѣнною. Затѣмъ вторая примѣта состоитъ въ томъ, что Плехановъ, за рѣдкими исключеніями, носитъ почти постоянно круглую, сѣрую, драповую шапку безъ полей (1879 г. № 138, ч. 1).

Насколько то и другое опредѣленіе было основано на дѣйствительномъ, болѣе или менѣе продолжительномъ изученіи, можно видѣть изъ сопоставленія датъ. Въ теченіе мѣсяца даны болѣе обширныя свѣдѣнія, но по существу это одно и то же; второе лишь болѣе распространенное и сглаженное, опять въ сторону осторожной условности.

На основаніи этихъ данныхъ полиція и разыскивала Плеханова. Въ томъ же 1879 г., при разслѣдованіи «о сборищахъ, происходящихъ по Шлиссельбургскому тракту, въ селѣ Смоленскомъ» (1879 г., № 663), наблюдая за домомъ кровельщика Назарова, гдѣ поселились неизвѣстныя лица, полиція замѣтила, что ихъ посѣщаютъ такія лица, которыя по своему внѣшнему виду уже обратили на себя вниманіе: такъ, въ пятницу, 26 октября, къ нимъ вошелъ одинъ господинъ, лѣтъ 33, блондинъ, съ русой бородой, средняго роста (примѣты подходятъ къ примѣтамъ разыскиваемого Плеханова) и остался тамъ до 28 числа». Послѣднія два слова

въ скобкахъ зачеркнуты карандашомъ и карандашомъ сверху подписано: «Лица, посѣщающаго Бюградъ подъ именемъ Георгія».

Послѣдняя прибавка карандашомъ была довольно рискована съ точки зрѣнія точности свѣдѣній, ибо лицо, посѣщающее Бюградъ, было, по словамъ дѣла, очень осторожно. О немъ можно было утвердительно говорить только, что его зовутъ «Георгіемъ», а дальше: «упомянутая таинственная личность при посѣщеніи Бюградъ, принимаетъ съ своей стороны большую осторожность (карандашомъ: «крайнюю осторожность»), закрываетъ при входѣ къ ней свое лицо воротникомъ пальто». Но послѣднее обстоятельство не остановило редактора, составлявшаго докладъ, и онъ рѣшительно сопоставилъ «таинственную личность» съ Плехановымъ. Это придавало сообщенію большое значеніе.

Только въ слѣдующемъ 1880 г. III Отдѣленіе получило описаніе интересующаго его лица отъ несомнѣннаго очевидца. Извѣстный Жарковъ, указывая на свое знакомство съ Плехановымъ, въ своихъ показаніяхъ описываетъ Плеханова:

«Примѣты Плеханова слѣдующія: роста выше средняго, лѣтъ за 30, волосы темнорусые, длинные, прическа безъ пробора, бороду сбрилъ, носить одни усы, лицо блѣдное, походка скорая, какъ бы хромаетъ на одну ногу, руками размахиваетъ. Одѣвается въ черное осеннее пальто, безъ мѣхового воротника, шапка черная, драповая, круглая» (1879 г., № 801, ч. 1).

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній большею живостью отличаются сообщенія Жаркова. Они, при всей ихъ официальнойности, по плану заключаютъ и чисто бытовья, индивидуальныя черты: прихрамываніе, размахиваніе руками. Разница же свѣдѣній зависитъ и отъ перемѣн, которыя были неизбежны для Плеханова: то онъ съ эспаньолой, то просто безъ бороды. Это уже являлось результатомъ положенія Плеханова, которому иногда приходилось и просто быть «таинственнымъ».

Плехановъ все время разыскивался, но разыскать его не могли. И едва ли не по привычкѣ, — когда уже было получено III Отдѣленіемъ свѣдѣніе, что Плехановъ въ Парижѣ, — противъ его имени стоитъ характерная пометка: «разыскируется». Это было въ концѣ марта (29) 1880 г. (1879 г., № 668, ч. II).

Начало розысковъ падаетъ на тотъ же 1879 г., когда онъ сталъ, по терминологіи справокъ, «извѣстнымъ». До этого времени большого вниманія на него не обращали. Теперь же за Плехановымъ начинается «слѣжка». Неудовимость его заставляла обращать вниманіе на его примѣты. Эта же неудовимость заставляла также добиваться выясненія его мѣстожителства.

Осторожность Плеханова обязывала къ тому же и агентовъ. Трудно, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, установить во всемъ объемѣ предпринимаемыя полиціей шаги. Но, несомнѣнно, энергіи было потрачено много. Плехановъ казался слишкомъ большой величиной, чтобы упустить его. Съ его именемъ была для полиціи связана подпольная печать (1879 г., № 38). Его имя — во главѣ рабочаго движенія (см. выше объ агентъ и его знакомствѣ съ Плехановымъ).

«Его знаютъ, — какъ докладывается въ одной изъ справокъ, — будто бы многіе рабочіе, какъ руководителя движенія этой среды. Со многими изъ рабочихъ, имѣющими нѣкоторое главенство надъ остальными, Георгъ Плехановъ, отъ времени до времени, входилъ въ непосредственныя сношенія» (1879 г., № 138, ч. I, справки отъ 18.III.79).

Имя Плеханова встрѣчается и въ дѣлахъ учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

На почвѣ извѣстности имени Плеханова разыгрывается и полемика между вѣдомственной — между градоначальникомъ и III Отдѣленіемъ. Когда былъ произведенъ обыскъ у Кавскаго и Клушина (1879 г., № 548), то въ списокъ причастныхъ къ этому дѣлу былъ включенъ Плехановъ. Докладъ объ этомъ градоначальника Зу-

рина съ указаніемъ, что для полиціи градоначальства во всемъ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго, — она давно выслѣдила всѣхъ студентовъ, упомянутыхъ въ дѣлѣ, и только дожидалась случая (въ теченіе 3-мѣсяцевъ (?)), чтобы заарестовать, — начальники III Отдѣленія карандашомъ отмѣтили: «Тутъ много сочиненнаго, начная съ того, что я не вѣрю, чтобы первое извѣстіе получено въ іюнь (докладъ градоначальника — 18 сентября); три мѣсяца они бы не вытерпѣли. Списокъ студентовъ-медиковъ также заставляетъ задуматься... Наконецъ, они подозрѣваютъ Бонди и Плеханова. Такимъ образомъ, можно писать, что хочешь».

Подобная же замѣтка была сдѣлана и на поляхъ дополнительнаго списка заподозрѣнныхъ по этому дѣлу лицъ, представленнаго Зуринымъ 24 сентября. На поляхъ списка законическая замѣтка карандашомъ: «Не отступаются ни отъ Бонди, ни отъ Плеханова».

III.

Къ этому времени, очевидно, Плехановъ былъ для полиціи тѣмъ лицомъ, которое, какъ свадебный генералъ, должно было быть выключеннымъ въ каждое болѣе или менѣе серьезное дѣло.

Связывая имя Плеханова съ выдающимися современными дѣлами, стремились установить, что сдѣлалъ Плехановъ. Въ этомъ имъ помогли Гольденбергъ и Жарковъ.

На основаніи показаній Гольденберга III Отдѣленіе такъ характеризовало дѣятельность Плеханова:

«Въ 1876 году революціонная партія, повидимому, бездѣйствовала, но въ слѣдующемъ году неожиданно появилась партія «бунтарей», которая по своимъ стремленіямъ сходствовала съ кружками «бакунистовъ», но отличалась отъ нихъ значительнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ пропаганды... Первоначальная дѣятельность ея проявилась въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Главными руководителями этой партіи были: бывший студентъ горнаго института Плехановъ, Радіоничъ, Дейчъ, Стефановичъ, Бохановскій, Чубаровъ, Дебогаріо-Мокрѣевичъ» (справка о Плехановѣ дана выше, 1879 г., № 668, ч. II; высочайшій докладъ отъ 18 апрѣля 1880 г.).

Но эти свѣдѣнія даны были тогда, когда уже Плехановъ былъ вѣтъ предѣловъ досягаемости. Въ списокѣ лицъ, упомянутыхъ въ показаніяхъ Гольденберга, приложенномъ къ высочайшему докладу о Плехановѣ, мы находимъ:

«91 (по алфавиту). Плехановъ, Георгій Валентиновичъ, дворянинъ тамбовской губ., бывший юнкеръ Константиновскаго училища, а впослѣдствіи студентъ горнаго института. Принималъ участіе въ политической демонстраціи на Казанской площади въ 1876 году, но задержанъ не былъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ ¹⁾ находится въ настоящее время въ Парижѣ» (помѣтка «разыскивается»).

Показанія Гольденберга въ существенныхъ чертахъ были даны еще въ 1879 г. Сводка имъ была сдѣлана окончательно къ марту 1880 г. Одновременно съ этимъ далъ показанія и Жарковъ. Жаркову приходилось имѣть съ Плехановымъ дѣло, и его показанія болѣе обширны и конкретны:

«Георгія Плеханова (Жоржа) Ж. (арковъ) знаетъ хорошо, такъ какъ Плехановъ же и вовлекъ Ж. въ пропаганду, въ бытность его въ 1877 г. въ Саратовѣ; онъ проживалъ прежде въ Петербургѣ подъ фамиліей отставнаго учителя Николая Иванова Михайлова, а въ октябрѣ прошлаго года, подъ именемъ тоже отставнаго учителя Николая Иванова Набатова. Въ октябрѣ Плехановъ уѣзжалъ на двѣ

¹⁾ Агентурное, непровѣренное свѣдѣніе. Болѣе точное свѣдѣніе о пребываніи Плеханова въ Парижѣ получено 31 марта 1880 г., съ указаніемъ парижскаго адреса Л. К.

недѣли въ Кіевъ съ какимъ-то порученіемъ и, возвратясь обратно, хотѣлъ ѣхать за границу, но социалисты не пустили его, чрезвычайно дорожа имъ, какъ человекомъ ловкимъ и обладающимъ замѣчательнымъ даромъ слова. Плехановъ и въ настоящее время въ Петербургѣ, но гдѣ именно и подъ какой фамиліей—неизвестно; въ субботу, 2-го будущаго февраля, онъ намѣренъ ѣхать, но наканунѣ отъѣзда Ж. надѣется съ нимъ увидѣться въ условленномъ мѣстѣ» (Далѣе, «Примѣты Плеханова»—см. выше).

Но та и другая справки были уже запоздалыя. Плехановъ, дѣйствительно, ѣхалъ. Раньше же этого времени точныхъ свѣдѣній у полиціи не было, и ей приходилось идти ощупью въ своихъ поискахъ о роли Плеханова и его мѣстоожительствѣ. Старанія же полиціи въ этомъ направленіи были велики и шли въ разныхъ направленіяхъ: 1) отыскать мѣстоожительство, 2) установить псевдонимы и характеръ работы, 3) установить знакомство и мѣста, гдѣ Плехановъ бываетъ.

Въ предѣлахъ этихъ трехъ вопросовъ и велась вся агентура.

Въ агентурномъ донесеніи отъ 13 февраля 1879 г. Плехановъ выступаетъ подъ именемъ «Георга» (известно, что одно изъ этихъ лицъ именуется «Георгомъ»). Въ цѣломъ рядѣ справокъ онъ и фигурируетъ подъ этимъ именемъ до 22 іюня 1879 г., когда дана слѣдующая справка:

«Получено сообщеніемъ отъ помощника присяжнаго повѣреннаго и корреспондента типографіи главнаго штаба Леонтьева свѣдѣніе, что псевдонимъ известнаго Георга Плеханова — «Оедька» и «Волкъ» (1879, № 138, ч. II).

Но эта справка мало дала нитей для розыска. Въ дѣлахъ нѣтъ слѣдовъ, что указанными псевдонимами воспользовались, и они, дѣйствительно, оказали услугу дѣлу. Въ розыскахъ дальнѣйшаго времени ни «Оедька», ни «Волкъ» не встрѣчаются. Напротивъ, въ дѣлѣ о сборищахъ въ с. Смоленскомъ (1879, № 663) отъ 2 ноября мы находимъ то же названіе «Георга» и «Георгія».

Не далъ въ этомъ отношеніи ничего и Гольденбергъ. Лишь Жарковъ нѣсколько разсѣялъ недоразумѣнія около Плеханова.

Жарковъ, лично знакомый и довольно близкій къ Плеханову человекъ, далъ въ руки полиціи нѣсколько нитей.

На основаніи показаній Жаркова 23 января 1880 г. была составлена такая справка:

«Онъ (Жарковъ) знаетъ известнаго въ преступномъ кружкѣ, подъ именемъ «Жоржа», Георгія Плеханова, который при отъѣздѣ его находился въ Петербургѣ и проживалъ подъ фамиліей отставнаго городского учителя Николая Ивановича Михайлова, а въ октябрѣ мѣсяцѣ жилъ подъ именемъ тоже отставнаго городского учителя Николая Ивановича Набатова».

Какъ и всѣ показанія Жаркова о Плехановѣ, и это было лишь исторической справкой, ибо въ это время Плехановъ уже былъ на отъѣздѣ. Воспользоваться было трудно. Указанія же Жаркова давали одно: иллюстрировали, какъ быть остороженъ Плехановъ. Въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ ему приходилось мѣнять паспорта. Въ указанномъ случаѣ, это оправдывалось и обстоятельствами его жизни: въ октябрѣ 1879 г. Плехановъ ѣзжалъ на двѣ недѣли въ Кіевъ. Возвратившись оттуда, онъ уже проживалъ по новому виду.

И дѣйствительно, при такой системѣ Плехановъ оставался неразысканнымъ. Его мѣстоожительство было предметомъ розысковъ, но результаты этого были слабы.

Въ началѣ (13 февраля) 1879 года агентурныя свѣдѣнія дали справку о Плехановѣ и его мѣстопребываніи:

«Они (Плехановъ и Клеменсъ) известны болѣе по различнымъ сообщеніямъ о нихъ... прямыя же агентурныя дѣйствія, направленные къ тому, чтобы встрѣчать ихъ и прослѣдить съ цѣлью обнаружить мѣсто ихъ жительства, были въ этомъ безуспѣшны».

Были приняты мѣры. Указывали, гдѣ живетъ, гдѣ бываетъ Плехановъ, съ кѣмъ онъ знакомъ. Одновременно съ вышеприведеннымъ указаніемъ было отмѣчено:

«Георгъ Плехановъ, бывший студентъ горнаго института, постоянного мѣста жительства не имѣетъ, его теперь называютъ Георгомъ, носить при себѣ оружіе, находится въ близкихъ отношеніяхъ и бываетъ у кандидата правъ Летошенко, проживающаго по Малой Дворянской, д. № 4, кв. 15, и посѣщаетъ публичную бібліотеку, ѣздитъ на хорошей лошади, вращается въ средѣ рабочихъ» (13 февраля 1879 г.).

Черезъ мѣсяцъ (18 марта) дается новая справка: «Получено свѣдѣніе, что извѣстный Георгъ Плехановъ, остающійся по сіе время неразъясненнымъ (и подлежащій задержанію), имѣетъ будто бы постоянное пребываніе въ двухъ мѣстностяхъ: за Нарвской и Московской заставами, попеременно» (1879 г., № 138, ч. I).

Еще черезъ мѣсяцъ (18 апрѣля) новое свѣдѣніе, въ другой связи и внѣ дѣла о самомъ Плехановѣ, а попутно съ разслѣдованіемъ объ Н. Ѳ. Анненскомъ:

«Получено свѣдѣніе, что дѣя арестованнаго надв. сов. Анненскаго, Андрей Никол. Анненскій, живущій по Надежд. ул., въ д. Яковлева, принадлежитъ къ социалистическо-революціонной партіи... Ранѣе этого было даже свѣдѣніе о знакомствѣ его съ извѣстнымъ Георгіемъ Плехановымъ». (1879 г., № 143, ч. I).

Въ связи съ розысками Б. Марковича опять наталкиваемся на имя Плеханова. Въ запискѣ по дѣлу отъ 26 іюня читаемъ:

«По сообщенію извѣстнаго лица, въ Москвѣ находится въ качествѣ рабочаго на какой-то фабриктъ... Марковичъ, который былъ вмѣстѣ съ Плехановымъ организаторомъ Казанской демонстраціи, и у котораго во всякое время имѣются вещественныя доказательства принадлежности къ революціонной пропагандѣ». (1879 г., № 577).

Устанавливаются и другія знакомства Плеханова, хотя и предположительныя. Такъ, въ дѣлѣ «о политической неблагонадежности Любови Спепуро-Сердюковой» въ докладѣ сказано:

«Сердюкова и Корнилова были близко знакомы съ арестованнымъ Летошенко, пріятелемъ Георга Плеханова» (1879 г., № 750).

Въ связи съ дѣломъ «о сборищахъ въ с. Смоленскомъ», Плехановъ фигурируетъ уже съ большими деталями и подробностями его жизни. Дѣло это возникло на основѣ слуховъ о появленіи новаго подпольнаго органа (вм. «Земли и Воли»). Были установлены наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ лицъ. Это были «секретныя» наблюденія. Это словъ «секретныя» здѣсь приходится подчеркнуть, ибо самый докладъ дѣлаетъ удареніе на этомъ словѣ, будто наблюденія бывали и не секретныя. «Секретныя» наблюденія, установленныя надъ слушательницей Высшихъ Женскихъ Курсовъ Анной Боградъ, дали слѣдующіе результаты:

«Проживающую по Гроднен. пер., въ д. № 15, кв. 3, слушательницу В. Ж. курсовъ Анну Боградъ очень часто съ нѣкотораго времени сталъ посѣщать неизвѣстный подъ именемъ «Георгій», изъ разговора котораго съ Боградъ *) стало извѣстно, что онъ прибылъ недавно изъ Кіева. Георгій этотъ, при посѣщеніи Боградъ, принимаетъ крайнюю осторожность, закрывается воротничкомъ пальто, говоритъ шопотомъ и избѣгаетъ присутствія постороннихъ. Кромѣ того, «Георгій» посѣщаетъ проживающаго въ томъ же домѣ студента Дуката, влюбленнаго въ Боградъ, у котораго иногда остается и ночевать. Боградъ о Георгіи рассказывала, что онъ женатъ, но по несчастно сложившимся для него обстоятельствамъ съ

*) О разговорѣ этомъ есть такое указаніе въ первоначальной редакціи доклада: Боградъ посѣщаетъ какая-то неизвѣстная личность, которую она одному лицу, проживающему съ нею на одной квартирѣ, называла «Георгіемъ». — Это зачеркнуто, но отмѣченныя мною курсивомъ слова показываютъ, какимъ способомъ велось «секретное наблюденіе».

женою не живетъ, а также, что онъ сотрудничаетъ въ журналѣ «Слово» и «Вѣстникѣ Европы»¹⁾ и въ одной изъ своихъ статей писалъ о молоканахъ. 22 октября, въ 11¼ ч. вечера, «Георгій» постучался съ улицы въ окно комнаты Боградь, а затѣмъ вошелъ въ квартиру, гдѣ между ними произошелъ разговоръ шопотомъ, изъ котораго удалось разслышать, какъ онъ спрашивалъ Боградь: послала-ли она деньги, и затѣмъ отправился къ Дукату. 25 числа, вечеромъ, Георгій снова былъ у Боградь и, посидѣвъ у нея около 10 минутъ, пошелъ къ Дукату, а вечеромъ 26 числа къ Боградь приходило 4 молодыхъ человѣка, повидимому, изъ евреевъ.

«Въ виду изложеннаго», — кончаетъ докладъ о Боградь, — «не подлежитъ сомнѣнію, что личность посѣщающаго дѣвицу Боградь подъ именемъ Георгія есть не кто иной, какъ разыскиваемый Георгій Валентиновъ Плехановъ» (1879 г., № 663).

Слѣжка началась въ это время за Плехановымъ обстоятельная. Слѣдили за каждымъ его шагомъ, за каждымъ словомъ.

Такая же слѣжка была установлена и за домомъ Назарова въ с. Смоленскомъ, гдѣ проживали безъ прописки три лица. Агентъ подозрѣвалъ, что у нихъ типографія. Подкрѣплялось это таинственностью ихъ жизни, свѣтомъ, появлявшимся по ночамъ въ отдаленныхъ комнатахъ, жизнью ихъ въ такой глухой мѣстности безъ прописки, посѣщеніемъ ихъ подозрительными лицами.

«Ихъ посѣщаютъ такія лица, которыя по своему внѣшнему виду уже обратили на себя вниманіе; такъ, въ пятницу, 26 октября, къ нимъ вошелъ одинъ господинъ, лѣтъ 33, блондинъ, съ русою бородой, средняго роста (примѣты подходятъ къ примѣтамъ лица, посѣщающаго Боградь подъ именемъ Георгія) и остался тамъ до 28 числа» (ibid).

IV.

Несмотря на это, Плеханова все же не уловили. Старались очень — и старались всѣ. Выше уже было приведено донесеніе градоначальника по дѣлу Клушина и Кавскаго (1879 г., № 548), гдѣ даже III Отдѣленіе усумнилось, можно ли вездѣ и всегда видѣть Плеханова.

Въ этомъ отношеніи характеренъ одинъ фактъ изъ исторіи розыска Плеханова. Въ началѣ 1879 г. (13 февраля) агентъ доносилъ, что Плехановъ въ средствахъ не нуждается, ѣздитъ на хорошей лошади. Въ дѣлѣ «по обвиненію въ изданіи и распространеніи возмутительныхъ брошюръ» мы находимъ и болѣе подробное донесеніе объ этомъ.

«Въ средствахъ онъ (Плехановъ) не только не нуждается, напротивъ, снабжаетъ ими другихъ пропагандистовъ. Это послѣднее свѣдѣніе подтверждается тѣмъ, что нѣсколько дней назадъ его замѣтили проѣхавшимъ по Невскому, подъ вечеръ, на рысистой лошади, съ дамой въ собольей рогондѣ. Основываясь на этихъ данныхъ, можно предположить, что Плехановъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ кѣмъ-либо изъ лицъ состоятельныхъ, а, можетъ быть, даже и съ какою-либо женщиною, обладающей средствами и сочувствующей дѣлу пропаганды, почему было бы полезно обратить вниманіе пригородной полиціи на изложенныя здѣсь обстоятельства къ розысканію Плеханова» (1879 г., № 138, ч. 1, отъ 18 марта).

Вниманіе пригородной полиціи было, очевидно, направлено на эту парочку, разѣзжающую на рысистой лошади. Полиція начала усердно слѣдить, привлеченная именемъ Плеханова. Уже 22 марта она доноситъ рапортомъ начальника пригородной полиціи:

¹⁾ Первоначальная редакція сотрудничество въ журналахъ относить къ другому лицу, неизвѣстному, но въ дальнѣйшемъ карандашомъ исправлено и поставлено въ связь съ Плехановымъ.

«При производствѣ розыска извѣстнаго Плеханова обращено, между прочимъ, было вниманіе на то, что неизвѣстная личность весьма часто проѣзжала на Московское шоссе на щегольской парѣ, часто и съ дамой, тщательно закутанные, а у Чесменской богадѣльни или у Средней Рогатки пересаживались въ сани, запряженныя тройкой сѣрыхъ лошадей».

На слѣдъ будто бы напали. Картина ѣзды по Невскому, выѣздъ за городъ, тщательное скрываніе лицъ,—все это было подозрительно, было похоже и на тактику осторожнаго Плеханова.

Но пришлось разочароваться,—съ одной стороны, а съ другой, можетъ быть,—и поставить въ неловкое положеніе таинственную парочку. Тотъ же рапортъ начальника пригородной полиціи сообщаетъ:

«По произведенному дознанію, положительно оказалось, что это ѣздилъ дѣйств. ст. сов. Влад. Александр. Ратьковъ-Рожновъ, проживающій въ Царскомъ Селѣ, на собств. дачѣ, по Средн. ул., № 9, а въ Петербургѣ квартира его и лошади стоятъ въ Милліонной, въ собствен. домѣ, и, разумѣется,—сентенціозно заканчивается рапортъ,—нѣтъ никакой связи съ разыскиваемымъ лицомъ» (1879 г., № 138, ч. I).

Но, конечно, положеніе Плеханова въ это время было тяжелое; трудно предположить, чтобы онъ не зналъ всего этого. Около него начали собираться тучи. Въ это время еще хорошимъ его знакомымъ былъ Жарковъ. Ему было извѣстно, что по приѣздѣ изъ Кіева (въ октябрѣ 1879 г.) Плехановъ уже собирался уѣхать за границу. Въ показаніяхъ Жаркова мы находимъ:

«Возвратясь обратно (изъ Кіева), хотѣлъ ѣхать за границу, но партія социалистовъ его не пустила, какъ необходимаго здѣсь. Имъ чрезвычайно дорожатъ, какъ лицомъ довольно ловкимъ: обладаетъ большимъ краснорѣчіемъ и весьма убѣдительно».

Что Плехановъ былъ ловекъ въ дѣлѣ скрыванія отъ полиціи, объ этомъ говорятъ всѣ приведенные факты. Но въ концѣ концовъ и ему такая жизнь травленнаго волка, очевидно, уже становилась не въ мочоту, и тотъ же Жарковъ показываетъ:

«При последнемъ свиданіи съ Жоржемъ, въ послѣднихъ числахъ ноября, Жарковъ слышалъ отъ него, что трудно живется, преслѣдуютъ, надо удирасть за границу¹⁾».

Показанія Жаркова были слѣланы въ январѣ 1880 года. Въ мартѣ 1880 года при Высочайшемъ докладѣ по дѣлу Гольденберга о Плехановѣ уже дана справка (29 марта): «по имѣющимся свѣдѣніямъ, находится въ настоящее время въ Парижѣ». На поляхъ была сдѣлана отмѣтка—по традиціи—«разыскивается» (1879 № 668, ч. II).

И, дѣйствительно, онъ все же разыскивался. Объ этомъ говоритъ переписка о его семейныхъ съ тамбовскимъ губернаторомъ.

Тамбовскій губернаторъ отъ 28 ноября 1880 г. доноситъ въ III Отдѣленіе, очевидно, въ отвѣтъ на запросъ въ связи съ дѣломъ Кавскаго и Клушина²⁾.

«По поводу розыска обвиняемаго въ тяжкомъ государственномъ преступленіи дворянина Тамбовской губ., Георга Плеханова, липецкая городская полиція, наблюдая за появленіемъ его, обратила особенное вниманіе на проживающихъ лѣтомъ въ г. Липецкѣ родныхъ Плеханова, именно: на родную сестру его, дѣвицу Варвару Валентиновну Плеханову и на двоюроднаго брата его, студента с.-петербургскаго университета, Николая Николаевича Позднякова, съ которыми Георгъ Плехановъ былъ особенно близокъ, а также и на студента того же университета, Николая

¹⁾ Курсивъ въ оригиналѣ.

²⁾ Дѣло началось 17 сентября 1879 г.

Иванова Иванова, прѣхавшаго въ г. Липецкъ къ живущей тамъ родной матери его и находящагося въ близкихъ отношеніяхъ съ Поздняковымъ и Варварою Плехановою. Студенты эти, проживая въ г. Липецкъ, отличались оригинальностью костюмовъ,—они носили черезъ-чуръ длинные волосы, синіе очки, длинные пальто, на выпускъ красныя сюрочки и высокіе личные сапоги, избѣгали всякаго знакомства, за исключеніемъ Варвары Плехановой, съ которой гуляли преимущественно по вечерамъ. При наблюденіи полиціи, хотя за сказанными лицами ничего особенно замѣчено не было, но полицейскій приставъ изъ частнаго разговора съ теткою студента Иванова, мѣщанкой Черношашенцевой и съ родственницею Позднякова, дворянкою Варварою Крылозой, узналъ, что Ивановъ изъ дома матери своей переходилъ на житье въ сарай при томъ же домѣ, куда къ нему по ночамъ приходили Поздняковъ и Плеханова и проводили у него цѣлыя ночи, но имѣли ли эти посѣщенія какую-либо преступную цѣль или имѣли характеръ обыкновенныхъ свиданій, опредѣлить невозможно, такъ какъ у Иванова никакой прислуги не было и добыть разъясняющихъ свѣдѣній было не отъ кого, между тѣмъ Ивановъ и Поздняковъ не рѣдко высказывали весьма рѣзкое неудовольствіе противъ правительственнаго порядка и служащихъ лицъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «правительство въ Россіи очень дурно и нигуда не годится, правительственныхъ лицъ слѣдуетъ бить палками».

Въ виду такихъ неблагоприятныхъ дѣйствій студентовъ Позднякова и Иванова, мѣстный исправникъ полагаетъ, что сказанныя ночныя собранія приводятъ къ тому убѣжденію, что таковыя составлялись не въ видѣ препровожденія времени, а съ какою-либо антиправительственною цѣлью, такъ какъ Поздняковъ и Ивановъ проживаютъ въ Петербургѣ, гдѣ проживаетъ и Георгъ Плехановъ. Въ настоящее время Поздняковъ и Ивановъ находятся въ Петербургѣ, куда они выбыли изъ Липецка 23 минувшаго сентября, а Варвара Плеханова и теперь живетъ въ Липецкѣ и за ней имѣется наблюденіе, хотя въ образѣ жизни ея ничего предосудительнаго не замѣчается».

Заканчивается это поучительное донесеніе такими соображеніями:

«Въ виду ихъ прежнихъ близкихъ отношеній къ разыскиваемому Георгу Плеханову, нельзя не имѣть за ними секретнаго наблюденія, которое за дѣвицею Варварою Плехановою и учреждено, но имѣется ли такое наблюденіе за Ивановымъ и Поздняковымъ въ С.-Петербургѣ, объ этомъ ему, подполковнику Поливанову (тамбовскому начальнику жандармовъ) неизвѣстно» (1879 г., № 548).

Донесеніе очень характерно: оно вскрываетъ методы наблюденій: разговоры съ тетками, разговоры съ кухаркой,—вотъ источникъ свѣдѣній. Разъ ихъ нѣтъ, то свѣдѣнія кончаются. Интересно оно и тѣми соображеніями, которыя высказываются по поводу ночныхъ разговоровъ. Нѣтъ данныхъ—можно ихъ дополнить соображеніями нравственнаго порядка. Этимъ и дискредитировать. Приѣмъ очень ходкій въ то время. Все же вмѣстѣ взятое очень хорошо подчеркиваетъ характеръ всѣхъ свѣдѣній о Плехановѣ, даже въ Петербургѣ. И здѣсь агенты пользовались такими же источниками и приемами, отсюда и характеръ свѣдѣній—включительно до выселживанія дѣйств. ст. совѣтника.

Для Плеханова это донесеніе изъ Тамбова послѣдствій уже не могло имѣть. Были въ это время свѣдѣнія о его отъѣздѣ. Правда, они еще не были провѣрены,—Плехановъ былъ въ категоріи «разыскиваемыхъ», но черезъ нѣкоторое время послѣ тамбовской бумаги въ «спискѣ русскихъ эмигрантовъ, проживающихъ въ Парижѣ за декабрь мѣсяцъ 1880 г.», значится:

«Члены литературнаго комитета—Г. Плехановъ, 43, Boulevard Sant Michel» (1880 г., № 276. Заграничныя свѣдѣнія).

На этомъ заканчиваются розыски и свѣдѣнія III Отдѣленія. Въ 1881 г. III Отдѣленіе ушло въ область исторіи. Всѣ его дѣла перешли въ вѣдѣніе департамента полиціи, каковой съ новымъ рвеніемъ приступилъ къ розыску Плеханова и

полученію о немъ данныхъ. Что не удалось III Отдѣленію, то удалось уже департаменту. Въ его дѣлахъ находимъ мы болѣе подробный политическій полицейскій біографическій матеріалъ. Скучныя данныя розыска до 1881 г. были пополнены. Кое-что исправлено, но весь этотъ матеріалъ, основанный на позднѣйшихъ данныхъ, все же абсолютной точности и безупречной вѣрности не заключаетъ. III Отдѣленіе со своимъ скучнымъ бытовымъ матеріаломъ дало слишкомъ мало для послѣдующаго. Здѣсь были и завѣдомо ложныя свѣдѣнія, какъ свѣдѣнія объ участіи Плеханова въ Чигиринскомъ дѣлѣ, на что указалъ Гольденбергъ, но были и цѣнныя указанія Жаркова, по которымъ можно, хотя немного, установить и фактическую сторону дѣла—это пребываніе Плеханова въ Саратовѣ въ 1877 и 1878 гг., арестъ его тамъ и бѣгство послѣ подписки о невыѣздѣ; его поѣздка въ 1879 г. въ Кіевъ. Но и показанія Жаркова были даны слишкомъ поздно, когда Плехановъ былъ уже въ достаточной степени опытенъ; въ то же время у него созрѣла мысль уѣхать за границу, гдѣ бы его меньше тревожила вся та сгущенная атмосфера, какая была въ 1879—1880 гг. въ Россіи.

Л. Ильинскій.

